

A photograph of a forest landscape. In the foreground, a rocky, moss-covered slope leads down to a path made of flat stones. The path is covered with fallen leaves and leads into a dense forest. Tall evergreen trees are visible in the background, and the overall atmosphere is misty and serene.

Яна Дань

Три правила леса

Яна Дань

Три правила леса

«Автор»

2026

Дань Я.

Три правила леса / Я. Дань — «Автор», 2026

Её брат исчез в лесу. Её тётя пропала там же. Аня возвращается в Асино и понимает: Лес не теряет людей. Он их хранит. И он хочет, чтобы она заняла место брата. Но Аня уже не совсем человек - она переступила черту, когда была ребёнком. Теперь Лес требует плату. Выбор прост: остаться навсегда или потерять всех, кого любит.

© Дань Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Яна Дань

Три правила леса

Глава 1

Пролог

Меня зовут по-разному.

Кто шепчет — Чащей. Кто боится — Топью. А старики вроде Игнатия, когда думают, что никто не слышит, называют меня Сторожем.

Я не против. Имена для людей. Я — другое.

Я помню, как под моими корнями хоронили князей. Как по моим тропам бежали от орды и как потом по тем же тропам возвращались с победой. Я видел, как из земли били родники, где раньше текла кровь. И как на месте пожарищ вырастали первые цветы — робкие, тонкие, пахнущие пеплом и надеждой.

Вы думаете, лес — это деревья? Нет.

Лес — это память.

Каждый ваш шаг отдаётся во мне дрожью. Каждый крик, каждый шёпот, каждая слеза — я впитываю их, как дождевую воду. И храню. Иногда вечно.

Я не беру ваших детей. Это говорю сразу. Не надо на меня клеветать.

Я только помню тех, кто зашёл слишком далеко. Кто ослушался, но я не держу их. Они сами становятся частью меня — корнями, ветками, тишиной между птичьими голосами.

Но иногда... иногда я их выпускаю.

Сейчас как раз такое время.

Глава 1

Самые красивые цветы — это те, что растут на поле около леса. Эти цветы совершенно обычные: среди них встречаются и сорняки, и зелёная трава, которую щипают коровы на лугу. Но в этом и заключалась красота летней деревни. Когда Анна приезжала сюда, её волновало только одно — как собрать красивый букет для мамы, не взяв лишние сорняки с букашками.

Деревня Асино спала в колыбели из холмов, как забытая временем открытка. Сбегающие к реке улицы были прочерчены не асфальтом, а утопанной поколениями землёй — тёплой и упругой даже ранним утром. Дома, преимущественно добротные, стояли, чуть скосившись от старости и собственной уютной тяжести. Их окна, обрамлённые наличниками с забытыми языческими символами — солнцами, дождиками и птицами, — смотрели на мир сонно и мудро. Дым из труб поднимался не столбами, а сизыми ленивыми клубами, растворяясь в прохладном воздухе. Пахло здесь вечностью в миниатюре: дымом берёзовых поленьев, парным молоком, скошенной травой у крыльца и сладковатым дыханием старых яблонь в палисадниках.

Лес около деревни Асино был огромным, но его не боялись даже маленькие дети семьи Соловьёвых, которым было от силы пять лет. Наверное, потому что лес считался чем-то особенным, вроде источника силы. Пока по пузатому телевизору марки «Кварц» передавали, что год выдался не грибным, жители деревни всю готовили наваристый суп из свежесобранных лисичек.

Но были у этого леса и свои «правила». Дедушка Игнатий, над которым шутили местные дети, называя его «самым старым грибом деревни», всё время говорил людям, идущим в лес за дарами природы: «Если заблудитесь в лесу, никогда не отзывайтесь не своим именем!» Мужики над ним посмеивались: «Да кому мы нужны, дед? Мы уже старые, нас не утащат».

Иногда казалось, что в этом лесу совсем нет животных — только редкие зайцы, которых видели мужчины, ходившие за грибами. А ещё говорят, в чащобе водится такое, что и зайцы обходят стороной. Но это рассказывали только пьяные старики на лавочке, и им никто не верил. Зато мошек и комаров в лесу было полно, поэтому маленькой Анне не нравилось бывать там подолгу.

Бабушка никогда не брала их в лес после заката. Даже двадцать третьего июня, в ночь на Ивана Купалу, когда вся деревня шла искать цветущий папоротник, Макаровым велели сидеть дома. «Вам туда пока рано», — говорила она, и в её голосе слышалось не «нельзя», а «опасно, а вы ещё не готовы». Аня тогда обижалась. А сейчас думает: к чему готовиться?

«Пойдёмте играть на ромашку!» — радостно сказал Максим.

Максим был очень шустрым мальчиком, хоть его не всегда признавали местные мальчишки, которые любили дразнить всех, кто не был на них похож. А Максим и не был похож: он был небольшого роста, в очках, с кудрявыми тёмными волосами. Мальчик рос скромным, поэтому общался только со своими младшими сёстрами.

Компания из троих детей, гулявших каждый день, была очень близка. Самая младшая — восьмилетняя Анна — была живым штормом в миниатюре. Её главной приметой были волосы: чёрные, как ночь в новолуние, тугие, непослушные кудри, которые не брала ни одна расчёска. Из этой тёмной рамы выглядывало лицо фарфоровой куколки: кожа почти прозрачная, молочно-бледная, на которой так отчётливо проступали и румянец от бега, и синяки под глазами от ночных страшилок. На этом фоне особенно поражали глаза — огромные, цвета зимнего льда на первом утреннем солнце: бледно-голубые, почти сизые, с лучистым узором вокруг зрачков. Она была маленькой, но не хрупкой — в её стремительных движениях чувствовалась плотная, пружинистая энергия, как у молодого зверька. Ноги и руки были в вечных ссадинах и царапинах — почётных знаках деревенского лета. Когда она смеялась, что случилось часто и громко, на её щеках появлялись не ямочки, а целые воронки восторга, и казалось, что этот смех вот-вот поднимет её над землёй, как воздушный шарик.

«Догони-ка!» — кричала восьмилетняя Аня, и её чёрные кудри летели во все стороны, как разъярённый воронёнок, пока она носилась по полю за сестрой.

Её двоюродная сестра Ева, старше на год, рядом с бурной Аней казалась стебельком полевого колокольчика — той же хрупкости, но иной, более созерцательной красоты. Её волосы были не просто светлыми, а цвета спелой пшеницы, выгоревшей на солнце до почти белых прядок на концах. Они были прямыми, как водопад, и блестели на свету, как шёлк. Ева часто откидывала их изящным движением головы, которое казалось удивительно взрослым. Черты лица — тоньше и чётче, чем у кузины: высокие скулы, прямой нос, аккуратные бровки-ниточки. Глаза — глубокие, как озёрная вода в ясный день: ярко-голубые, с тёплым сиянием. В её улыбке было меньше безудержной радости и больше лукавства и секрета. Она была худенькой, жили-

стой и двигалась не столько быстро, сколько точно и плавно, будто даже в игре продумывала каждый шаг. В тишине, слушая очередную страшную историю Максима, она не съёживалась, как Аня, а замирала целиком, становясь похожей на прекрасную настороженную статуэтку, в которой лишь глаза широко открывались, вбирая в себя весь ужас и очарование сказки.

Любимой игрой на «ромашке» у девочек были «резиночки» — незамысловатая игра, где нужно было прыгать на скакалке. А старшему мальчику Максиму больше всего нравилась игра «казаки-разбойники», но для неё требовалось больше людей, а деревенские мальчишки не хотели играть с Максимом — не нравился он им. Так бывает, когда какой-то ребёнок не вписывается в стандарты общества.

А вот девчонок они брали охотно, даже сами прибежали к ним, но Аня и Ева не бросали своего старшего брата, с которым были так близки.

По ощущениям это было давно, хоть и прошло всего семь лет с того самого лета. Анна всё ещё просыпается по ночам в холодном поту из-за кошмаров, только теперь она не бежит к старшему брату, чтобы рассказать об ужасном сне, ведь Максим так и остался маленьким десятилетним мальчиком. Или же нет? Или старший сын семьи Салтыковых жив, просто спрятался от них где-нибудь в другом мире?

Ночь. Немного прохладно. Странно, ведь уже май. Но Анну это не волновало — она лежала, думая о завтрашнем дне. Завтра последний экзамен в школе, а потом долгожданные каникулы.

Глава семейства Арсений Николаевич сегодня перед сном зашёл к ней в комнату и, улыбаясь, спросил: «Как думаешь, Ева не замёрзнет в Москве после Стамбула?» После этого вопроса Анна очень обрадовалась, поняв, что её любимая двоюродная сестра придет к ним.

— Пап, ты серьёзно?! А когда они приедут? А почему они решили приехать? А надолго они приедут? — Анна тараторила так быстро, что Арсению Николаевичу некуда было вставить и двух слов.

Глава семьи хорошо умел скрывать настоящие эмоции, надевая маску радости и безразличия, но даже при его умении девочка заметила, как бегают его голубые глаза. Он точно нервничал. Но Арсений решил оставить все вопросы при себе.

С этим настроением Анна легла спать, но сон не приходил. Она не виделась с сестрой один год — можно подумать, не так много, но девушка никогда не забудет счастливые воспоминания из детства, которых так не хватает в её жизни сейчас: как они делили одну комнату вместе с кухней, как стояли в углу из-за неубранной комнаты, еле сдерживая смех, а бабушка уже не знала, что делать с такими непослушными детьми. А ещё они постоянно рассказывали друг другу страшные истории — и с ними был третий человек...

Этим летом будет восемь лет, как пропал её брат. Он пропал не так, как пропадают дети, а как-то по-особенному — так казалось Анне. Но на самом деле он ушёл в лес с утра и не вернулся. В тот самый всеми любимый лес, где мужчинам нужно было идти несколько часов вглубь, чтобы увидеть лося. Никто не верил, что мальчика мог утащить кто-то из зверей. Все

жители деревни участвовали в поисках Максима, только вот всё безрезультатно. Он просто пропал. Охотничьи собаки будто сами чувствовали беду и изо всех сил пытались найти след. Аня плакала, плакала много — возможно, она выплакала столько, сколько не плакала за всю свою недолгую жизнь. Она чувствовала, что потеряла не просто члена семьи, а частичку себя.

Сейчас Анна уже не плачет. Ведь она уже должна была отпустить эту ситуацию. Но нет — она никогда не забудет своего любимого старшего брата, который в свои десять лет знал очень много страшных историй, до жути пугавших её и Еву, как будто мальчик сам попал в ту страшную историю с лешим, который утащил его в лес. Но он обязательно выберется оттуда и найдёт свою семью. Аня верила в это больше, чем в то, что Земля круглая. Хотя маме с папой она говорила, что уже давно не плачет по ночам из-за Максима. Интересно, они ей верили?

Глава 2

Глава 2

Вера — лучшая подруга Ани. По крайней мере, Ане так казалось.

Раньше они общались хорошо. Даже очень. Смеялись над одним и тем же, делились тайнами, которые никому нельзя было рассказывать. Аня думала, что Вера поймёт её всегда. Что они навсегда.

А теперь — три пропущенных звонка. Аня смотрела на экран телефона и ждала. Ждала, что Вера напишет первой. Напишет хоть что-нибудь: «Прости, я была занята», «У меня проблемы», «Я скучаю». Но экран молчал. И до девушки медленно, но неумолимо доходило: всё не так просто.

Наверное, когда твоя подруга не зовёт тебя на свой день рождения, хихикает за спиной, а потом игнорила неделями — это достаточный знак. Кто есть кто, становится очевидно.

Ане всегда говорили: нельзя держать злость, нельзя копить ненависть. Но иногда так хочется бросить всё и послать всех этих псевподруг к чёрту. Почему у одних есть всё, а у других — ничего? Почему одни могут смеяться над кем-то, а другие вынуждены молча глотать обиду?

Наверное, кому-то суждено быть в центре внимания. А кому-то — сидеть в тени, задыхаясь от желания вырваться наружу.

В детстве всё было иначе. У Ани было много подруг. На её восьмой день рождения пришло десять человек. Десять! А теперь она боится, что не наберётся и одного.

Когда всё пошло не так? Когда случилась та трагедия? Когда уехала Ева? Или дело в ней самой? В том, что из энергичной и бесстрашной девочки она превратилась в человека, на которого всем наплевать?

Аня удалила номер Веры. И сразу пожалела — потому что теперь в телефоне не осталось ни одного человека, кто ответил бы ей ночью. Интересно, узнает ли Вера, если Аня исчезнет? Или просто не заметит? «Наверное, не заметит, — подумала Аня. — И это самое страшное».

Она не хотела видеть сестру. И это было самое страшное признание.

Ева — изящная, с безупречными манерами, всегда знающая, что сказать и где промолчать. Даже в старой футболке она казалась картинкой из журнала — лёгкая, воздушная, недостижимая. Аня — не такая. Не то чтобы она завидовала единственному родному человеку. Просто не хотела слышать, как у кого-то жизнь кипит яркими красками, пока её собственная застыла серой лужицей у порога.

Она достала телефон и открыла старые фото. Вот они с Евой в бабушкином саду — обе смеются, у Евы в волосах цветок, а у Ани размазанная по щеке клубника. Аня провела

пальцем по экрану. «Когда мы перестали быть такими?» — подумала она. Ответа не было. Только холодное, липкое чувство внутри — будто что-то важное ускользнуло навсегда.

Аня закрыла глаза. И вдруг поняла: лес уже дышит ей в затылок. Хотя они всё ещё в городе. Хотя до Асино сотни километров. Она почувствовала его запах — сырой, хвойный, с горчинкой прелой листвы. Как будто кто-то открыл окно в другую реальность и забыл закрыть.

Аня сидела в машине одна. Родители болтали снаружи о чём-то неважном. Она сжимала телефон, но пальцы помнили не пластик — а ту тёплую, шелковистую землю из сна.

Сегодня ночью она спала всего несколько часов. И ей снова что-то приснилось.

Сон начался не с картинки. С запаха. Летнее тепло. Трава. И пыльца — густая, жёлтая, как мука.

Поле. То самое, у леса.

Но что-то было не так. Ромашки слишком большие. Свет — слишком мягкий, будто солнце светит сквозь мёд. Земля под ногами была тёплой, почти живой — она дышала, пульсировала, как сердце.

И она снова маленькая.

Рядом, спиной к ней, сидел он — Максим.

— Макс? — позвала Аня.

Он обернулся. Очки на нём были не из стекла, а из тёмного камня. Сквозь них она не увидела глаз — только две чёрные бездны, в которых отражалось что-то древнее, страшное.

— Ты помнишь правила? — спросил он. Голос был его — но не его. Слишком ровный, слишком чужой.

— Какие?

— Лесные.

Он встал. Свет начал гаснуть. Ромашки закрылись, как ладони, сжимающиеся в кулаки. — Первое: не ходи один. Второе: если зовут не своим именем — молчи.

Он шагнул к лесу.

— Третье... — его голос стал тише. — Каждый раз, когда приходишь в гости, нужно что-то оставить.

— Что? — крикнула Аня. Ноги не двигались. Земля держала её, как цепкими корнями.

Он уже стоял на опушке. Тень от деревьев легла ему на лицо, размывая черты.

— То, без чего не можешь жить, — сказал он. — Или кого.

И тогда из леса кто-то вышел. Не зверь. Не человек. Аня не успела разглядеть — только тень, длинную руку, мелькнувший огонёк. Но она почувствовала его взгляд. Тяжёлый, древний, голодный. Он смотрел на неё — и улыбался.

Максим не обернулся. Он смотрел на неё.

— Я не оставила тебя! — закричала во сне уже не маленькая, а пятнадцатилетняя Анна, и от этого крика светящееся поле треснуло, как блюдце. — Я никогда тебя не оставляла!

— А я, — произнёс он так тихо, что это было скорее чувством, чем звуком, — я оставил в этом лесу тебя.

Тень поглотила его полностью. Лес сомкнулся, став сплошной, непроницаемой чёрной стеной. А светящееся поле под ногами Анны рассыпалось в песок. Холодный, колючий, безжизненный. Она начала падать сквозь него в ледяную пустоту.

Аня открыла глаза.

В машине было душно. Родители всё ещё говорили о чём-то за стеклом. Она посмотрела на часы. Спала всего двадцать минут. Аня потёрла ладони — на них не было ни пыли, ни земли. Только память. Но память была слишком яркой для простого сна.

Она выдохнула и посмотрела в окно. Родители всё ещё стояли на улице, о чём-то спорили. Отец размахивал руками, мама качала головой.

«Спорят, как всегда», — подумала Аня. И вдруг поймала себя на том, что не помнит, из-за чего они поссорились в прошлый раз. Детали стирались. Оставалось только чувство — липкое, тревожное, будто она живёт не свою жизнь. Будто кто-то другой дышит за неё, думает за неё, а она просто наблюдает со стороны.

Вторник. Обычный ничем не примечательный вторник. Только одно примечательно — сейчас Анна стоит на улице около машины у аэропорта вместе с родителями. Холодный воздух с улицы ударил в лицо, когда они вышли из машины. Анна стояла в метре от родителей, как на краю невидимого уступа, вжав подбородок в шершавый воротник собственного худи.

Её мама, Евгения Кирилловна, невысокая красивая женщина с чёрными волосами и миндалевидными зелёными глазами, немного нервничая, стояла около своего мужа. Арсений Николаевич — с ярко-голубыми глазами, горевшими ожиданием встречи с глубоко любимым братом, и кудрявыми тёмными волосами, слегка взъерошенными. Наверное, подъём в четыре утра не заставляет людей слишком наряжаться, тем более для встречи с родственниками, которые видели наших героев в состоянии намного хуже.

И тут раздаётся звонок телефона: «Мы выходим» — весёлый, ничем не обременённый голос звучит в трубке отца.

Казалось, дядя Андрей слишком жизнерадостен после ночного перелёта. Но он всегда таким был. Дядя Андрей — муж тёти Регины, отец Евы, человек, который умел рассмешить любого, человек-праздник. Аня не помнит ни одного момента, когда дядя Андрей плакал или грустил. Но сегодня, когда он вышел из зоны прилёта, Аня заметила странное. У дяди под левым глазом дёргалась жилка. Он улыбался, но пальцы сжимали ручку чемодана так, что побелели костяшки. Он не хотел сюда приезжать.

Когда дверь распахнулась, первой вышла Ева.

Она вздрогнула — и на секунду замерла на пороге. Её голубые глаза, широкие и бездонные, скользнули по встречающим. В них не было растерянности — был быстрый, оценочный расчёт. Затем походка — не бег, а быстрые, чёткие шаги. Она несла с собой запах другого мира: сладковатой дорогой пудры, самолётного воздуха и чего-то чужого, горьковатого — тоски или разочарования.

Аня не помнила, как двинулась навстречу. Тело сработало на автомате. Она врезалась в сестру, обхватив её так крепко, что костяшки пальцев побелели. Уткнулась лицом, вдыхая тот самый чужой запах, пытаясь найти в нём знакомые ноты детства. Ева ответила объятием — мягким, но непроницаемым. Её ладонь похлопала по спине Ани

ритмично, как по плечу расстроенного ребёнка: жест утешения, но и лёгкого отстранения. Аня подняла глаза и увидела, что взгляд сестры уже поверх её головы ищет и находит взрослых, обмениваясь с ними каким-то беззвучным, понимающим диалогом.

«Она меня не слышит, — поняла Аня. — Она смотрит сквозь меня, как сквозь стекло».

В машине, пахнувшей старым кожаном и кофе, дядя Андрей завёл свой привычный словесный мотор. Его истории лились рекой, заполняя пространство, но Аня ловила только обрывки. Её мозг, измотанный бессонницей, цеплялся за знакомые интонации, в то время как глаза впивались в профиль Евы у окна. Она изменилась. Не просто выросла. В ней появилась невидимая стена, плёнка на взгляде.

В машине разговор шёл сам собой. Отец о чём-то спрашивал дядю Андрея. Тот отвечал — слишком бодро, слишком многословно.

И тут голос дяди Андрея, весёлый и беспечный, прорезал шум двигателя:

— Кстати, Маша, как у тебя дела в школе? Уже все экзамены сдала?

Слово «Маша» повисло в воздухе не ошибкой, а ледяной иглой, воткнувшейся прямо в барабанную перепонку. Аня замерла. Сердце пропустило удар. Она медленно, как в кошмаре, перевела взгляд на отца — тот не моргнул. На маму — она смотрела в окно, делая вид, что ничего не произошло. На дядю Андрея — тот улыбался, но улыбка была слишком широкой, как маска.

Аня почувствовала, как мурашки, острые и колючие, забежали от копчика до самых висков. Она перевела взгляд на сестру.

Та смотрела на неё непонимающим взглядом.

— Ань, ты чего так смотришь? Я же знаю, что у тебя всё хорошо, ты мне сама рассказывала, — сказала Ева, и её голос прозвучал слишком гладко, слишком быстро, как заученная фраза.

«Меня зовут Аня, — подумала Аня. — Аня. Почему он сказал Маша? Она не заметила? Она не поправила? Или... она не знает, как меня зовут?»

Евгения Кирилловна хихикнула — короткий, сдавленный звук, похожий на выдох, пытаясь сгладить паузу.

Анна молчала. Язык будто прилип к нёбу. В ушах зазвенело. Сквозь шум в голове пробилился голос дяди Андрея, ставший вдруг неестественно мягким, словно он гладил испуганного зверька:

— Анечка, мне же просто любопытно, мы с тобой год не виделись...

Но Аня уже не слышала. Она чувствовала, как древний, заповедный ужас, пахнувший хвоей и сырой землёй, выполз из щелей её памяти и обнял её за плечи. Лес, тот самый лес, был здесь. Он дышал ей в затылок, он смеялся над ней, он проверял её — помнит ли она правила.

«Не отзывайся не своим именем», — прошептал внутри голос Максима.

Аня закрыла глаза. И когда открыла — мир вокруг неё качнулся. На одно мгновение. Ей показалось, что за окном машины, за серым шоссе, мелькнула фигура. Чёрная, высокая, с длинными руками. Она стояла на обочине и смотрела на них. Смотрела точно на Аню.

Но когда Аня моргнула — фигура исчезла.

«Мне показалось, — сказала она себе. — Просто показалось».

Но внутри, глубоко, она знала: не показалось. Лес нашёл её. Даже здесь, за сотни километров от Асино.

— А Регина? — вдруг спросила Евгения Кирилловна, видимо, захотев убрать ту неловкую тишину, что случилась из-за её дочери.

Дядя Андрей замолчал. На целых три секунды. Для человека-праздника это была вечность.

— Она в деревне, — сказал он, не глядя ни на кого. Пальцы снова побелели на руле. — У крёстной. Решила помочь по хозяйству.

— А... — мама хотела спросить ещё что-то, но Ева резко повернула голову от окна.

— Мама не берёт трубку, — сказала она ровно, почти безразлично. Но Аня заметила, как дёрнулся её палец, теребя край ремня безопасности. — Уже две недели.

В машине стало тихо. Даже радио, которое бормотало что-то невнятное, вдруг показалось оглушительным.

— Поэтому мы и приехали, — закончил дядя Андрей. Он улыбнулся. Улыбка не дошла до глаз.

Аня перевела взгляд на Еву. Та смотрела в окно на серое шоссе, и её лицо ничего не выражало. Но пальцы всё ещё теребили ремень. И Аня вдруг поняла: Ева боится. Не так, как она — леса. Она боится другого. Она боится, что мама не хочет возвращаться. Что мама выбрала остаться там, в Асино. Среди тех, кто никогда не уходит.

— Нужно ехать туда, — сказал Арсений, и его голос прозвучал жутко спокойно, будто он объявлял о поездке за грибами. — В Асино.

— Я не поеду! — крик вырвался из Анны прежде, чем она успела его обдумать. Он прозвучал громко, резко, почти истерично, разорвав гнетущую тишину.

Ева резко обернулась, и в её широких глазах, помимо обиды, мелькнуло что-то ещё — живой, животный испуг.

— Почему? — выдохнула она.

Аня встретила её взглядом и почувствовала, как по щеке скатывается предательски горячая капля. Почему? Потому что Асино — это не просто деревня. Это кладбище её детства, затянутое мхом и тенями. Это поле у леса, где ромашки светились неестественным светом. Это место, откуда не возвращаются. Туда изредка наведывалась только тётя Регина, да и то, как казалось, лишь для того, чтобы в итоге исчезнуть самой.

Аня открыла рот, чтобы сказать «нет», но в этот момент лес внутри неё зашептал. Тихо, настойчиво: «Она не одна. Там, в лесу, она с нами. И ты придёшь. Ты всегда приходишь».

— Я понимаю тебя, Анют, — тихо, без привычной весёлости, сказал дядя Андрей. — Если не хочешь, не надо.

Анна уже открыла рот, чтобы выдохнуть согласие, спасение, «нет». Но её взгляд снова наткнулся на Еву. И она увидела. Увидела не обиду, а немой, отчаянный крик в глубине её слишком взрослых глаз. Беспомощность. Ту самую, что когда-то была в её собственных, восьмилетних. И этот беззвучный крик пересилил леденящий страх. Он был сильнее призраков леса.

Она не могла отказать. Не ей. Не сейчас.

— Хорошо, — прошептала Аня. — Я поеду.

В её голосе не было ни радости, ни решимости. Только тихая капитуляция перед долгом, который казался страшнее любого кошмара.

Ева вздохнула — коротко, облегчённо. И в этом вздохе Аня услышала то, что не могла слышать раньше: Ева боялась не за себя. Она боялась, что Аня останется одна. Что она уедет, а Ева останется там, в лесу, навсегда. И, возможно, уже не вернётся.

Аня смотрела на сестру и вдруг подумала: «А что, если я больше никогда её не увижу?» И эта мысль оказалась страшнее всего леса.

Где-то за окном мелькнула тень — чёрная, высокая, с длинными руками. Она стояла на обочине и смотрела на машину. Улыбалась. И Аня знала: Лес ждал её. Он всегда ждал. Все восемь лет.

Что изменилось в этой версии

Что было Что улучшено

Резкое начало Добавлен плавный переход к размышлениям о Вере

Сон без тактильных ощущений Добавлены ощущения: земля тёплая и живая, взгляд древний и голодный

Лес появлялся только в деревне Лес чувствуется уже в городе — запах, тень на обочине

Сцена в аэропорту без внутреннего монолога Добавлены мысли Ани: «Она смотрит сквозь меня», «Она не знает, как меня зовут?»

Ева боится только мамы Добавлен страх Евы потерять Аню

Финал только с мыслью о Еве Добавлена тень Леса на обочине — Лес уже здесь

Глава 3

Глава 3

Аня не спала. Она лежала на старой раскладушке, которую бабушка поставила в комнате Евы, и смотрела в потолок. Трещина на штукатурке напоминала карту реки. Или ветку. Или руку, тянущуюся к ней.

— Ты тоже не спишь, — сказала Ева через полкомнаты.

Не вопрос. Утверждение.

— Да, — тихо ответила Аня.

В комнате было темно. Только луна пробивалась сквозь тонкую занавеску, оставляя на полу бледные квадраты. В старом доме всегда было тихо по ночам. Слишком тихо. Будто стены прислушиваются. Будто сам дом затаил дыхание, ожидая, когда они заговорят о чём-то важном.

— Расскажи, — попросила Аня.

— О чём?

— О тёте Регине. По-настоящему.

Ева молчала так долго, что Аня уже подумала — не ответит.

— Она уехала утром, — наконец сказала сестра. Её голос был ровным, как струна. — Сказала, что крёстная просила помочь перебрать вещи на чердаке. Что это ненадолго. Дня на три.

— А потом?

— А потом звонила каждый вечер. Первые три дня. Говорила, что всё нормально, что крёстная приболела, что она побудет ещё немного. — Пауза. — На четвёртый день я позвонила сама. Она не взяла трубку.

— Может, не слышала?

— Я звонила пять раз. Потом отец звонил, потом соседка в деревне. — Ева перевернулась на бок. В полумраке Аня видела только её силуэт и блеск глаз. — На пятый день пришло сообщение. Короткое. «Не волнуйтесь. Я в порядке».

— И что в этом странного?

— Она никогда не пишет «не волнуйтесь», — сказала Ева. — Мама пишет «всё хорошо» или «целую». А тут — как инструкция. Как будто кто-то продиктовал.

Аня села на раскладушке, обхватив колени. Внутри шевельнулся холодок. Она вспомнила свой сон — тётю Регину на поляне, её пустой взгляд и голос, который звучал не как её собственный.

— А потом?

— Потом тишина. Ещё четыре дня. А вчера — другое сообщение. Одно слово. — Ева выдохнула. — «Приезжайте».

— Может, она просто устала? Или...

— Аня. — Голос Евы вдруг стал жёстким. — Я знаю свою мать. Она не бросила бы отца в самый важный месяц на работе. Она не пропустила бы мой звонок. И она... — Ева замолчала, и в этом молчании было что-то, отчего у Ани заledenели пальцы.

— Что?

— Когда я слушаю голосовые сообщения, которые она прислала в первый день... в конце каждого, на заднем плане, кто-то шепчет. Я не разбираю слов. Но это не крёстная. Крёстная говорит басом, как дед Игнатий. А этот голос... тонкий. Как у ребёнка.

По спине Ани пробежали мурашки. Она вспомнила мальчика с поляны — того, с чёрными глазами, который назвал Максима чужим именем. Его голос был точно таким же — тонким, детским, но с чем-то древним внутри.

— Я пробовала разобрать, — тихо добавила Ева. — Увеличивала громкость, слушала в наушниках. Но слова рассыпались, как песок. Только голос — тонкий, чужой. И будто... будто он улыбается.

— Ты говорила кому-нибудь?

— Отцу? — Ева горько усмехнулась. — Он и так на грани. Скажешь ему про голоса — он вызовет полицию, врачей, кого угодно. А в деревне... — Она села, свесив ноги с кровати. — Ты же помнишь, что рассказывал твой Максим?

Аня вздрогнула от имени брата. Оно прозвучало в тишине комнаты как удар колокола — гулко, больно.

— Какие истории?

— Про лес. Про то, как он забирает тех, кто заходит слишком далеко. Я тогда смеялась. Думала, он сочиняет. А сейчас...

— Сейчас?

— Сейчас я думаю, что он не сочинял. Он предупреждал.

В комнате стало совсем тихо. Где-то за стеной скрипнула половица — дом вздохнул во сне. Или не во сне. Или не дом.

— Ты поэтому согласилась приехать? — тихо спросила Аня. — Боишься, что лес... забрал её?

Ева замолчала и отвернулась к стене. Аня не видела её лица, но почему-то была уверена — сестра не спит. Просто не хочет говорить, как ей страшно. Как ей не нравится этот дом с его скрипучими половицами и запахом прошлого. Как она мечтает оказаться где угодно, только не здесь.

Но Аня знала правду. Ева боялась не леса. Она боялась, что мама не хочет возвращаться. Что мама выбрала остаться там. Среди тех, кто никогда не уходит.

— Мы найдём её, — сказала Аня. Твёрже, чем чувствовала.

— Найдём, — кивнула Ева.

Но в её голосе не было веры. Была только усталость. И тихое, почти незаметное смирение, от которого у Ани сжалось сердце.

Аня закрыла глаза, но сон не шёл. Она всё ещё чувствовала на коже тот детский страх — не свой, а Максимов. Словно время свернулось петлёй, и вот она снова там, на берегу, а над водой смеются чужие голоса. И лес ждёт.

Она не заметила, как воспоминание накрыло её — цепкое, яркое, как солнечный блик на речной глади.

— Давайте сначала на Ромашку, а потом на речку? — предложила Ева, поправляя лямку старенького купальника, выпиравшую из-под майки.

— Ну нет, — протяжно сказала Аня, скрестив руки на груди и надув губы. — Вчера же холодно было, сегодня вода неприятная будет.

— Холодно? Это двадцать четыре градуса? — Ева приподняла одну бровь, копируя взрослую интонацию матери, и её губы дрогнули в усмешке.

— Ой, отстань.

Максим молча наблюдал за этим спором, привычно поправляя сползающие на нос очки. В его десять лет он уже твёрдо усвоил: спорить с сёстрами, когда они заводили эту бесконечную пластинку, было делом гиблым. Проще дожидаться, пока они сами устанут.

Это были обычные детские перепалки — ритуал, который повторялся каждое утро, пока ребята гостили у бабушки с дедушкой в Асино. Деревня была небольшой, но удивительно живой: через неё проезжали дачники, местные из соседних сёл тянулись сюда за грибами, а на речку в жару съезжалась вся округа. Вода в ней была тёмной, но чистой, с илистым дном, которое приятно пружинило под ногами. Купаться любили все. Кроме Максима.

Ему здесь не нравилось. Слишком много чужих, слишком громко, слишком тесно. Местные старшие ребята — те, кому уже тринадцать-четырнадцать, — вели себя так, будто речка принадлежала только им. Они кидали камни в воду, когда подплывали младшие, громко ржали над своими шутками, смысл которых Максим не понимал, и пили что-то из мутных бутылок — из тайных запасов, спрятанных от родителей. Аня с Евой чувствовали его напряжение без слов. Поэтому они всегда выбирали место подальше — ближе к лесу, туда, где кончался пляжный гомон и начиналась тишина, пахнувшая тиной и нагретой хвоей.

Полотенца хватали из дома любые, какие подворачивались под руку.

Сегодня, наигравшись в салочки на «Ромашке» вместе с сёстрами Афониными — вечно хохочущими двойняшками с косичками-колосьями, — троица отправилась к воде. Но едва выйдя из-за прибрежных кустов, они замерли.

Обычное место было занято.

Большая компания подростков расположилась прямо на их полотенцах — ну, не на их, но на том самом пятачке, который они считали своим. Человек восемь, не меньше. Громкие, развязные голоса резали воздух. Кто-то засмеялся — резко, каркаяще. Блеснуло на солнце горлышко бутылки, переходящей из рук в руки.

— Ну а что, ночь в лесу не так страшно, — донеслось до них. Высокий парень в бейсболке, заломленной набок, спорил о чём-то со своими друзьями. — Просто надо знать места, и вообще...

— Они что, пьяные? — голос Евы прозвучал тихо, но твёрдо. Это было не вопросом, а констатацией факта, слишком взрослой для её девяти лет.

Аня почувствовала, как внутри шевельнулся липкий, холодный комок. Ей захотелось развернуться и уйти. Прямо сейчас. Но Максим вдруг шагнул вперёд.

— Ага, — сказал он слишком бодро, почти нарочито. — Ничего страшного. Давайте искупаемся быстро и домой.

Он пошёл к воде, не оборачиваясь. Аня с Евой переглянулись. Взгляд сестры был таким же, как у неё самой: смесь тревоги и невысказанного «ну что с ним поделаешь». Они последовали за братом, стараясь держаться ближе друг к другу.

Подойдя ближе, они услышали обрывки разговора, который становился всё громче.

— Ну правда, ты что, серьёзно боишься белочку в лесу увидеть? — издевательски тянул тот же парень в бейсболке. Аня заметила, что обращался он к Матвею Савину — городскому мальчику с рыжими, как осенние листья, волосами. Матвей приезжал к деду каждое лето и обычно держался особняком, читал книжки на крыльце или помогал старику с огородом. Сейчас он стоял, вжав голову в плечи, и его бледное лицо покрылось неровными красными пятнами.

— Нельзя в лес ходить, — упрямо повторил Матвей, и его голос дрогнул. — Дед Игнатий говорит, лес не прощает тех, кто не знает правил.

Все парни, стоявшие рядом, засмеялись хором. Смех был недобрый, звенящий какой-то жестокостью, которую дети чувствуют острее взрослых.

— Все городские такие пугливые, — продолжил парень в бейсболке, делая шаг к Матвею. — А ты машин случаем не боишься? А то собьют тебя, маленького. В лесу-то хоть звери добрые, а на дороге — дядьки на иномарках.

Новый взрыв хохота.

Максим, уже успевший разуться и зайти по щиколотку в воду, вдруг резко обернулся. Аня увидела, как сжались его кулаки. Она знала это выражение его лица — смесь обиды и желания защитить, которое в нём всегда боролось с робостью. Он хотел что-то сказать, вступить, но Ева, оказавшаяся рядом, быстро схватила его за руку и чуть заметно покачала головой.

— Не надо, — прошептала она одними губами.

Матвей тем временем, не выдержав, развернулся и быстро пошёл прочь от компании, чуть не налетев на троицу Макаровых. Его глаза, влажные и злые, на секунду встретились с глазами Максима. Перед уходом он на мгновение задержал взгляд, как будто хотел что-то сказать, предупредить, но не решился. Рыжий мальчик ничего не сказал, только кивнул куда-то в сторону леса и скрылся за кустами.

Аня смотрела ему вслед и вдруг вспомнила. Чётко, ярко, как цветную картинку. Два года назад. Трое подростков из соседней деревни Белозерское пропали в лесу на целых два дня. Тогда вся округа гудела. Мужики собирались в поисковые отряды, женщины плакали у калинок, даже дядя Андрей, обычно весёлый и беспечный, ходил мрачнее тучи и два дня пропадал в чаще вместе с остальными. Аня помнила, как бабушка ставила свечки в уголке за иконами и шептала молитвы.

А нашли их... Матвей. Он пошёл вместе с дедом на второй день поисков, завернул не туда, куда все, и наткнулся на них. Трое пацанов, перепуганных до полусмерти, лежали в овраге, заросшем папоротником. Живые, целые, просто заблудившиеся. Потом, конечно, все смеялись над этой историей, над тем, как нелепо они «потеряли метки». Но Аня запомнила другое: лицо Матвея, когда он рассказывал об этом бабушке. В его глазах не было гордости за находку. В них был странный, отстранённый ужас, как будто он увидел там, в лесу, что-то такое, о чём не рассказывал никому.

Сейчас, глядя на то, как быстро и нервно Матвей уходит к лесу, как он то и дело оглядывается на компанию подростков, Аня почувствовала, как по спине пробежал холодок. Совсем не от воды. От леса, который ждал. Который всегда ждал.

— Пошли купаться, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Быстро, как ты и хотел.

Она взяла Максима за другую руку. Трое детей, взявшись за руки, вошли в тёмную, прохладную воду реки, оставляя за спиной гомон пьяной компании и странный, тревожный взгляд рыжего мальчика, уходящего в сторону леса. Леса, который ждал. Леса, который умел брать своё.

Воспоминание растаяло, оставив во рту привкус детства — сладкий и горький одновременно. Аня открыла глаза. В комнате всё так же пахло старым деревом и пылью. Ева спала, свернувшись калачиком, её дыхание было ровным, но слишком тихим. Будто она боялась дышать громко, чтобы кто-то не услышал.

— Ева, — позвала Аня в тишину.

— М-м? — сквозь сон отозвалась сестра.

— А ты веришь, что мы её найдём?

Ева не ответила сразу. Тишина затянулась, и Аня уже подумала, что сестра уснула. Но потом Ева сказала тихо, почти неслышно:

— Должна.

И в этом слове было столько отчаяния, что у Ани сжалось сердце. Она посмотрела на сестру. Ева лежала к ней спиной, но Аня видела, как дрожат её плечи. Она не плакала — она просто дрожала. Мелко, беззвучно, как будто внутри неё кто-то трясся от холода.

Аня хотела встать, подойти, обнять её. Но тело не слушалось. Она лежала на раскладушке и смотрела на силуэт сестры, чувствуя, как между ними снова вырастает та невидимая стена — тёплая, мягкая, но непроницаемая. И поняла: они потеряли друг друга задолго до того, как приехали сюда. И теперь, чтобы спасти Еву, ей нужно сначала найти её. Настоящую. Ту, которая спряталась где-то глубоко внутри, за этой ледяной маской.

Аня закрыла глаза и прошептала в темноту:

— Я найду тебя. Обещаю.

Где-то в глубине леса, на поляне с серебристым мхом, что-то шевельнулось. Тень мальчика в очках подняла голову и посмотрела в сторону деревни. Он улыбнулся — грустно, светло, как перед прощанием.

«Она обещает, — подумал он. — Как тогда. Как я».

И Лес зашумел — тихо, почти ласково. Он ждал. Он всегда ждал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.